

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(23)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2012

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), *А. А. Алексеев*, *Х. Андерсен* (США), *Ю. Д. Апресян*, *А. Богуславский* (Польша), *И. М. Богуславский*, *Д. Вайс* (Швейцария), *Ж. Ж. Варбот*, *А. Вежбицкая* (Австралия), *А. А. Гиппиус*, *М. Ди Сальво* (Италия), *Д. О. Добровольский*, *В. М. Живов*, *А. Ф. Журавлев*, *А. А. Зализняк*, *Е. А. Земская*, *Х. Кайперт* (Германия), *Л. Л. Касаткин*, *Э. Кленин* (США), *А. Д. Кошелев*, *Л. П. Крысин*, *Р. Лясковский* (Польша), *Х.-Р. Мелиг* (Германия), *И. Мельчук* (Канада), *Н. Б. Мечковская* (Беларусь), *Е. В. Падучева*, *А. А. Пичхадзе* (ответственный секретарь), *В. А. Плунгян*, *Т. В. Рождественская*, *Д. В. Сичинава*, *А. Тимберлейк* (США), *Х. Томмола* (Финляндия), *М. Флайер* (США), *А. Я. Шайкевич*, *А. Д. Шмелев*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе*, *Е. И. Державина*

Корректоры *Е. Сметанникова*, *Г. Эрли*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 31.05.2012. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2012
© Авторы, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>В. Лефельдт.</i> Карл Фридрих Гаусс и русский язык.....	5
<i>Ф. Фичи, Н. Н. Жукова.</i> О грамматико-семантических свойствах конструкций типа <i>Вчера мне легко работалось</i>	18
<i>Е. А. Гришина.</i> <i>Здесь и тут</i> : корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов.....	39
<i>И. В. Нечаева.</i> О <i>шоп(п)инге, мини(-)вэне</i> и тайнах орфографической кодификации	72
<i>О. А. Шарыкина.</i> Фразеология спортивного публицистического дискурса 1950—2000-х гг.	90
<i>В. В. Шаповал.</i> Трудности интерпретации песенного контекста в словаре	110
<i>А. И. Грищенко.</i> К новейшей истории слова <i>россияне</i>	119
<i>М. Н. Шевелева.</i> Еще раз о бесприставочных итеративах на <i>-ыва-/-ива-</i> типа <i>хаживать</i> в истории русского языка.....	140
<i>М. В. Гашичева.</i> Прошедшее несовершенное в севернорусских былинах и нарративная традиция древнерусских памятников.....	179
<i>О. Ф. Жолобов.</i> О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках	194
<i>П. В. Петрухин.</i> К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет.....	232
<i>Т. И. Афанасьева.</i> Литургическая терминология в славянских служебниках XIII—XV вв.: эволюция литературной нормы и церковного узуса.....	250

Информационно-хроникальные материалы

Хроника Международной научной конференции «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст» (<i>Е. В. Урысон, Е. А. Мишина, В. С. Томеллер, Т. А. Архангельский</i>)	267
---	-----

Хроника научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова» (<i>Н. В. Карева, Е. М. Матвеев</i>)	274
Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2011 г. (под общ. ред. <i>О. Г. Ровновой</i>):	
— Экспедиция в Кировскую область (<i>Л. Л. Касаткин</i>)	280
— Экспедиция в Тульскую область (<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i>).....	282
— Экспедиции в Вологодскую, Тверскую и Смоленскую области (<i>С. В. Дьяченко, И. И. Исаев</i>).....	286
— Экспедиции в Шатурский район Московской области и Среднее Полесье (<i>А. В. Тер-Аванесова</i>).....	290
— Экспедиция в Винницкую область Украины (<i>С. В. Дьяченко</i>).....	295
— Экспедиция в Казахстанский Алтай (<i>О. Г. Ровнова</i>)	298

Рецензии

<i>Н. А. Еськова</i> . Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008. (<i>И. А. Корнилаева</i>)	303
<i>О. Ю. Галуза</i> . Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. (<i>Л. В. Кирпикова</i>)	308

Обзоры

<i>Ulica Ševčenko, 25, korpus 2. Scritti in onore di Claudia Lasorsa. A cura di Valentina Benigni, Alessandro Salacone. Cesena, Roma, 2011. (Р. И. Розина)</i>	312
<i>В. Матвеевко, Л. Щеголева</i> . Книги временные и образные Георгия Монаха. В 2 т. Т. 2. М., 2011. (<i>А. А. Пичхадзе</i>).....	314

ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЕРНЕР ЛЕФЕЛЬДТ

КАРЛ ФРИДРИХ ГАУСС И РУССКИЙ ЯЗЫК*

Имя Карла Фридриха Гаусса ассоциируется в первую очередь с «князем математиков» — «*princeps mathematicorum*», как нарекли его еще при жизни, а также с одним из самых выдающихся ученых всех времен и народов. Оно стоит в одном ряду с именами Евклида, Ньютона и Эйлера. Услышав или прочитав имя Гаусса, мы думаем о блестящем астрономе, который математически точно вычислил орбиту потерянной после открытия малой планеты Церера, что позволило вскоре ее вновь обнаружить, об авторе фундаментального труда «*Theoria motus corporum coelestium*» — «Теория движения небесных тел», думаем о знаменитом исследователе земного магнетизма, об одном из изобретателей — вместе с физиком Вильгельмом Вебером — электромагнитного телеграфа. Едва ли кто-нибудь связывает имя Карла Фридриха Гаусса с наукой о русском языке. В этой области, однако, он первым наметил путь, значение которого для нашей дисциплины было распознано лишь во второй половине XX века. Только сравнительно недавно, после признания этого направления лингвистической русистики, пионером которого — как мы увидим — был Гаусс, в ней появились важные научные труды и достижения.

Надо сказать, что уже некоторые современники «*princeps mathematicorum*» были убеждены в том, что математика, астрономия, высшая геодезия, земной магнетизм и электромагнитный телеграф не исчерпывают всех областей науки, которых коснулся блестящий ум Карла Фридриха Гаусса. Вольфганг Сарториус фон Вальтерсгаузен, близкий друг гениального профессора Геттингенского университета и его первый биограф, указал еще в 1856 году «на талант, который у Гаусса, кроме математики, проявился еще и в изучении различных языков. Классические языки были известны ему еще с юности, но и почти все другие европейские языки он знал настолько хорошо, чтобы на них читать, на самых главных из них он говорил и писал безукоризненно» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91].

Известно, что Гаусс в начале своей учебы в Геттингене, осенью 1795 г., слушал лекции по классической филологии знаменитого филолога Кри-

---

* Доклад, прочитанный в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН по случаю вручения профессору Вернеру Лефельдту диплома почетного доктора Института.

стиана Готтлоба Гейне и даже одно время колебался, изучать ли ему в университете древние языки или математику. Несмотря на то, что гениальное открытие Гауссом весной 1796 г. возможности построения равностороннего 17-угольника с помощью циркуля и линейки определило его окончательное решение в пользу математики, он все же всю свою жизнь не прекращал заниматься языковыми и филологическими проблемами. Впечатляющее свидетельство этого неиссякающего интереса можно найти в обширной, длившейся десятилетиями переписке Гаусса с астрономом Генрихом Кристианом Шумахером, который жил в Альтоне, близ Гамбурга. Гаусс и Шумахер часто обсуждали в своих письмах тонкости латинского, английского и французского языков. Из этих дискуссий хорошо видно, насколько важно было Гауссу досконально понять прочитанные им тексты на этих языках, а также как можно точнее выразить на них собственные мысли [Lehfeldt 2005].

Что касается знания Гауссом греческого и латинского языков, а также античной литературы, то библиотека ученого, хранящаяся в Геттингенской университетской библиотеке, содержит богатый материал для углубленного исследования этой проблемы. В первую очередь, в ней содержится большое число пособий по грамматике и изданий классиков с многочисленными, зачастую обширными комментариями и замечаниями, сделанными рукой Гаусса, что пока еще не попало в поле зрения исследователей.

Что же касается английского и французского языков, то Гаусс чувствовал себя здесь абсолютно уверенно. Об этом свидетельствует его научная корреспонденция на этих языках и его знание английской и французской литературы. Я назову здесь только сэра Вальтера Скотта, которого Гаусс очень почитал и произведения которого он читал своему сыну Йозефу, когда при проведении геодезической съемки — триангуляции Ганноверского Королевства — они вдвоем пережидали дождь в пастушьем домике в Гарце.

О том, занимался ли Гаусс русским языком в первые шесть десятилетий своей жизни, нам ничего неизвестно. Вероятно, нет. Нужен был какой-то мощный импульс, чтобы побудить Гаусса к изучению, а затем и к исследованию русского языка, языка той страны, с которой он был тесно связан с самого начала своей научной карьеры благодаря многочисленным научным и личным контактам.

Насколько известно, первое указание на занятия Гаусса русским языком содержится в постскрипуме письма, отправленного им 17 августа 1839 года своему близкому другу, альтонскому астроному Генриху Кристиану Шумахеру. Гаусс пишет: «В начале прошлой весны, рассматривая приобретение какого-либо нового навыка как своего рода омоложение, я начал заниматься русским языком (ранее я пытался заниматься санскритом, но не получил от этого удовольствия), и меня он очень заинтересовал» (Переписка Гаусса с Шумахером¹. № 641. Т. 3: 242). В это время Гаусс должен

¹ Здесь и ниже приводится по изданию [Peters 1860—1865].

был по желанию правительства в Ганновере как можно скорее закончить приведение мер и весов в королевстве к общему стандарту, и в связи с нехваткой времени занятия русским языком пришлось прервать. Поэтому Гаусс добавил в своем письме: «...так что то немногое, что я уже выучил, большей частью я, по всей вероятности, теперь снова забыл. Но несмотря на это, я думаю в будущем попытаться еще раз». Из этого замечания ясно видно, что Гаусс первоначально занялся изучением русского языка, не ставя перед собой задачу читать на нем научные работы. Однако в дальнейшем он использовал приобретенные знания русского языка также и для этой цели, о чем еще речь пойдет отдельно.

Шумахер, которого Гаусс попросил в упомянутом письме о помощи в приобретении русских книг, отреагировал незамедлительно и прислал своему «самому дорогому другу» 22 августа 1839 года «русский астрономический календарь», так как ему казалось, что «астроному астрономический календарь тоже сослужит хорошую службу» при изучении иностранных языков (Переписка Гаусса с Шумахером. № 645. Т. 3: 248). На свой осторожно выраженный в этом же письме намек, что Гаусс мог бы в целях отвлечения от своих основных занятий выбрать «лучше шахматы», Шумахер получил 8 сентября 1839 года следующий ответ: «Шахматы мне ни в коем случае не чужды, а в прежние времена были даже очень знакомы. Однако они слишком схожи с моими обычными занятиями, чтобы их рассматривать как отдых, для этого новое дело должно отличаться от них, быть непохожим на них» (Там же. № 650. Т. 3: 269).

Примерно то же, что и Шумахеру, Гаусс рассказал профессору физики и директору магнитной обсерватории Петербургской Академии наук Адольфу Теодору Купферу, который посетил его летом (в июле и августе) 1839 года в Геттингене. Купфер написал 1 сентября 1839 года отчет о своем пребывании в Геттингене своему петербургскому начальнику генералу Чевкину. В нем Купфер пишет подробно и с большим восторгом и изумлением о занятиях Гаусса русским языком и русской литературой, в чем он видит «счастливое предзнаменование для русской литературы» [Рыкачев 1899: 72]. В этой связи Купфер восклицает: «воистину верно то, что гений предвидит будущее». Конечно же, Купфер позаботился о том, чтобы прислать Гауссу из Петербурга в качестве подарка двухтомный русско-французский словарь, который тому впоследствии действительно очень пригодился при изучении русского языка.

Правда, несколько лет спустя Гаусс назвал следующему гостю, который приехал к нему из России, и другую причину того, что побудило его изучать русский язык. Отто Струве, сыну знаменитого астронома Пулковской обсерватории Вильгельма Струве, Гаусс сказал в 1844 году, что он начал изучать этот язык «после перенесенной тяжелой болезни» [Dick 1992: 46]. А за два года до этого, в 1842 году, он говорил Казанскому астроному Ивану Михайловичу Симонову, что его желание читать русские произведения в оригинале было попыткой проверить свою память в шестидесятилетнем возрасте [Симонов 1844: 321].

Эти высказывания совпадают с тем, что сообщает В. Сарториус фон Вальтерсгаузен о мотивах, побудивших Гаусса обратиться к изучению русского языка: «Уже в пожилом возрасте, примерно на 62-м году жизни он надеялся наряду со своими регулярными исследованиями по математике найти новое средство, чтобы поддерживать свой ум живым и свежим и быть открытым для новых впечатлений; [...] и потому он начал с невероятной энергией изучать русский язык» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91].

В течение нескольких месяцев, последовавших за его сообщениями Шумахеру и Купферу в 1839 году, Гаусс довольно интенсивно и прилежно занимался изучением русского языка. Об этом мы можем судить по многочисленным письменным сообщениям самого ученого. 8 августа 1840 года он поблагодарил Шумахера за пересылку книги с описанием Казанской астрономической обсерватории и добавил к этой благодарности следующее замечание: «Мой русский продвигается настолько успешно, что я могу с помощью словаря, и не слишком часто заглядывая в него, понимать такого рода тексты. Руководство Купфера («Руководство по проведению магнетических и метеорологических наблюдений») я читаю почти свободно, только иногда лишь полдюжины раз вынужден заглядывать в словарь» (Переписка Гаусса с Шумахером. № 706. Т. 3: 394). В таком же духе Гаусс выразился и спустя несколько дней в письме к самому Адольфу Теодору Купферу, петербургскому академику и автору упомянутого «Руководства». 13 августа 1840 года он написал ему: «С русским я продвигаюсь хотя и медленно, но все же понемножку вперед и проявляю к этому богатому и красочному языку довольно большой интерес. Ваше руководство я читаю почти бегло и с большим удовольствием» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß, Briefe V: Kupffer, 4). Из этих высказываний видно, что в это время Гаусс занимался русским языком уже не только в целях отдыха, но и для приобретения навыка чтения научной литературы. Все же желание заниматься чем-нибудь, отличающимся от его обычных занятий, не покидало ученого, несмотря на то, что здесь его как автодидакта ожидали определенные трудности. Об этом свидетельствует уже упомянутое письмо Гаусса к Шумахеру от 8 августа 1840 года. Гаусс пишет: «Тяжелее с поэтами. У меня есть три тома произведений Пушкина, где я нахожу больше незнакомых слов, чем знакомых, и поэтому могу читать только очень медленно. Его Борис Годунов мне очень нравится. Но лучше было бы, если бы у меня была легкая проза, например, русские романы в оригинале или же переводы, например, Вальтера Скотта» (Переписка Гаусса с Шумахером. № 706. Т. 3: 394). Шумахер тотчас же выполнил просьбу Гаусса «в скором времени привезти из Петербурга что-либо подобное». 7 октября 1840 года, «вернувшись из Петербурга после долгого (6 дней) и беспокойного морского путешествия», он сообщил в Геттинген: «Вашу просьбу в отношении хороших русских романов выполнил Шуберт. Он купил для Вас сочинения Бестужева, которые считаются лучшими прозаическими произведениями и достоверно отражают жизнь народа» (Там же. № 711. Т. 3: 403). Мате-

матик и астроном, начальник военно-топографического депо Федор Федорович Шуберт был ординарный академик Петербургской Академии наук.

От себя Шумахер приложил к вышеупомянутой посылке с книгами «еще большую Русскую грамматику Греча (написанную по-французски), которая, по единодушному мнению в Петербурге, должна быть лучшей из того, что написано о русской грамматике» (Шумахер добавил при этом: «Мне подарил ее автор, но лучше пусть она будет в Ваших руках, я же никогда не буду ею пользоваться») (Переписка Гаусса с Шумахером. № 711. Т. 3: 403).

Фактически все говорит о том, что Гаусс интенсивно пользовался грамматикой Н. Греча «Grammaire raisonnée de langue russe» [Gretsch 1837] и русско-французским словарем Х. Ф. Рейфа [Рейф 1835—1836]. О последнем Гаусс отзывается в письме к А. Т. Купферу от 18 февраля 1840 г. как об «исключительно полезном учебном пособии» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe V: Kupffer, 2). С их помощью Гаусс прочитал все шесть томов вышедшего в 1828 г. собрания сочинений Александра Александровича Бестужева-Марлинского (1797—1837), современника Пушкина. Во всех этих томах обнаружены разнообразные пометки, сделанные рукой Гаусса. Это и замечания грамматического характера, нередко с указаниями на соответствующие параграфы грамматики Н. Греча, заметки к значению лексем, бесчисленные исправления опечаток, а в двух местах даже корректуры содержания текста [Lehfeldt 2011: 312—316] — все это вместе взятое является впечатляющим свидетельством тщательности, с какой Гаусс читал русские тексты. Об этом и о высоком уровне знания русского языка великим ученым сообщает русский астроном Иван Михайлович Симонов, посетивший Гаусса в 1842 году. Симонов пишет, что Гаусс «уже понимает произведения поэтов и писателей. А при чтении русских книг он исследует встречающиеся в них выражения до последней тонкости» [Симонов 1844: 321].

Само собой разумеется, что Гаусс читал также и математическую литературу на русском языке. Здесь особенно важно подчеркнуть изучение им трудов казанского математика Николая Ивановича Лобачевского, который независимо от него создал неевклидову, так называемую «воображаемую геометрию». В геттингенской библиотеке Гаусса находится очень много сочинений Н. И. Лобачевского, некоторые из них сам автор прислал в Геттинген. Очень интересно при этом следующее: Н. И. Лобачевский опубликовал свои первые работы по «воображаемой геометрии» в конце 20-х — начале 30-х годов в журнале «Казанский вестник». Гаусс был очень заинтересован в изучении этих работ. Уже в 1841 г. он писал берлинскому астроному Иоганну Францу Энке, что «он страстно желал бы прочесть больше работ этого остроумного математика» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe V: Encke 61). Но, по всей вероятности, тогда было трудно найти первые работы Лобачевского. В письме от 8 февраля 1844 года к своему другу Герлингу Гаусс заметил, что «в Германии трудно найти экземпляр Казанского вестника 1828—1829 годов» (Ibid.: Gerling 141). Все же ему каким-то обра-

зом удалось получить в руки несколько номеров этого журнала. Однако первых частей научного трактата Лобачевского было уже не достать. Похоже, что даже у автора спустя 15 лет после их выхода в свет не оказалось больше печатных экземпляров. Об этом свидетельствует рукописная копия недостающих частей трактата. Сейчас эта копия объемом в 20 страниц находится в архиве научного наследия Гаусса в Геттингене. Стало быть, Гаусс обладал полным текстом выдающегося труда Лобачевского «О началах геометрии». Из сноски на первой странице следует, что сам Лобачевский позаботился об изготовлении этой рукописи, очевидно, узнав об интересе Гаусса к этой работе: «Извлечено самимъ Сочинителемъ изъ разсужденія, подъ названіемъ: Exposition succinte des principes de la Géometrie etc., читаннаго имъ въ засѣданіи Отдѣленія физико-математическихъ наукъ, въ февраль 1826 года». Благодаря этому Гауссу представился удобный случай изучить «Начала» Лобачевского в русском оригинале. Известно, что Гаусс высоко ценил Лобачевского, который, по выражению Гаусса, «мастерски в чисто геометрическом духе» (Переписка Гаусса с Шумахером. № 1118. Т. 5: 247 [Biermann 1990: 51]) разработал неевклидову геометрию. Гаусс хлопотал о приеме русского ученого в Геттингенское Королевское научное общество, что и произошло в 1842 году.

Если мы зададимся вопросом, каким образом Гаусс изучал русский язык, то в первую очередь необходимо принять во внимание, что он здесь, как и во многих других областях, был автодидактом, т. е. обходился почти без учителя. Об этом свидетельствует, например, В. Сарториус фон Вальтерсгаузен: «Прошло меньше двух лет, как он без всякой посторонней помощи полностью овладел (русским языком)» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91 сл.]. Об этом пишет также в своих мемуарах Отто Струве, сын Вильгельма Струве, директора Пулковской обсерватории. Отто Струве, который, естественно, владел русским языком, посетил Гаусса поздним летом 1844 года. Их первая встреча состоялась еще в сентябре 1838 года. Тогда он был у Гаусса вместе со своим отцом. В «Воспоминаниях» Отто Струве о визите к Гауссу в 1844 году сказано следующее: «В то время (Гаусс) особенно интересовался русским языком, который он, как он сам говорил, начал изучать сначала для проверки своего умственного потенциала после перенесенной тяжелой болезни, и притом без учителя, только по книгам. Русские книги он читал действительно неплохо, но когда он пытался говорить по-русски или же читать вслух, то производил довольно забавное впечатление» [Dick 1992: 46]. Однако это мнение противоречит тому, что написал первый биограф Гаусса, Сарториус фон Вальтерсгаузен, о его произношении: «Однажды, когда (Гаусса) посетил Русский Государственный советник, тот беседовал с ним по-русски и, по мнению советника, с безукоризненным произношением» [Sartorius v. Waltershausen 1856: 91 сл.]. Впрочем, позже исследователь жизни и творчества Гаусса Курт Бирман выразил сомнение в верности оценки Сарториуса фон Вальтерсгаузена [Biermann 1986].

Если считать, что Гаусс самостоятельно изучал русский язык, то возникает вопрос, какие учебники, грамматики и словари привлекал ученый для этой цели и как он пользовался этими пособиями. В собрании Гаусса, которое хранится в Государственной и университетской библиотеке в Геттингене, среди пособий и грамматик по русскому языку находится также «Новый теоретический и практический учебник по русскому языку для немцев» Августа Вильгельма Таппе, четвертое, «исправленное и дополненное», издание которого увидело свет в 1815 году [Tappe 1815]. По всей вероятности, Гаусс обратил внимание на этот учебник благодаря рецензии именно на четвертое издание, которая была опубликована в 1819 году в «Геттингенских научных записках» («Göttingische Gelehrte Anzeigen»). В рецензии учебник Таппе характеризовался как пособие «преимущественно для самостоятельного изучения русского языка, также без учителя» (с. 542), что великолепно подходило Гауссу с его ярко выраженной склонностью к самостоятельной учебе. Хотя в экземпляре учебника, хранящемся в фонде Гаусса геттингенской Государственной и университетской библиотеки, не обнаружено никаких замечаний на полях, поправок и т. п., сделанных рукой Гаусса, все же выяснилось, что ученый этим изданием пользовался. Об этом в особенности свидетельствует то обстоятельство, что тщательно составленная Гауссом таблица с классификацией русских глаголов опирается на с. 194—198 «Учебника» Таппе, ср. [Lehfeldt 2011: 287—294].

Еще одна классификация русских глаголов, также сохранившаяся среди записей Гаусса, заимствована, по всей вероятности, из «Практического учебника по русскому языку для школ и самообразования» Йоханна Адольфа Эрмманна Шмидта, вышедшего в 1843 году [Schmidt 1843]. В этом учебнике, также хранящемся в библиотеке Гаусса, обнаружены пометки, сделанные его рукой. Оригинал классификации Шмидта усматривается в «Русско-французском словаре» Карла (Шарля) Филиппа Рейфа, который был опубликован в двух томах в 1835 и 1836 годах в С.-Петербурге [Рейф 1835—1836]. В 1839 году Гаусс получил его в подарок от Адольфа Теодора Купфера и отозвался о нем в своем письме с выражением благодарности как об «исключительно полезном учебном пособии» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe B: Kupffer, 2). Доказано, далее, что Гаусс интенсивно использовал словарь Рейфа при чтении русских текстов, ср. [Lehfeldt 2011: 328—332]. Однако, кроме лексикографической части, в словарь Рейфа входит также «Un abrégé de la *Grammaire russe* avec des tableaux synoptiques de déclinaisons et de conjugaisons» («Краткий курс русской грамматики с синоптическими таблицами склонений и спряжений»), по которым видно, что Гаусс занимался «Tableau synoptique des trois conjugaisons» («Синоптической таблицей трех спряжений»), ср. [Ibid.: 295]. В этой связи интересно также следующее обстоятельство: классификация глаголов у Рейфа была составлена не самим автором, а заимствована им из «Практической русской грамматики» Н. Греча, французский перевод которой под заглавием «*Grammaire raisonnée de la langue russe*» был выполнен

Рейфом и опубликован в 1837 году в С.-Петербурге [Gretsch 1837]. Этот перевод также имеется в библиотеке Гаусса, причем выяснилось, что Гаусс получил его в подарок от своего альтонского друга Шумахера и пользовался этой книгой при чтении произведений А. А. Бестужева-Марлинского, ср. подробно об этом [Lehfeldt 2011: 312—316].

В начале настоящей статьи было сказано, что Гаусс при изучении русского языка первым проложил путь, значение которого для русистики было признано лишь во второй половине XX века. Какой же это был путь?

Речь идет о том, что Гаусс при изучении русского языка тщательно — хотя и не без погрешностей — составлял обширные списки существительных, прилагательных и глаголов в обратном алфавитном порядке. Подобные так называемые обратные словари играют в настоящее время важную роль в исследовании морфологии, особенно флективной морфологии русского языка. Первые обратные словари или указатели слов индоевропейских языков появились в печатном виде во второй половине XIX века. Автором первого и долгое время единственного обратного словаря современного языка, кстати сказать именно русского, был филолог-классик Людвиг Дойбнер (Ludwig Deubner, 1877—1946). Словарь был напечатан ограниченным тиражом как секретный документ в 1915 году командованием немецкой армии «Ost» (Восток) и должен был служить военным целям, а именно расшифровке обрывков пойманных радиogramм. Крайне примечательно, что Гаусс, очевидно, «первым решил вступить на путь с односторонним движением понимания слов в обратном направлении» [Gerhardt 1980: 272], во всяком случае, раньше, чем профессиональные лингвисты.

На двух страницах записей Гаусса — лист 15 и лист 15 об. — мы находим два списка глаголов, которые по своему составу совпадают с двумя аналогичными таблицами русской «Грамматики» Августа Вильгельма Таппе [Tappe 1815]. Первый список Гаусса содержит такие «неправильные глаголы», которые у Таппе значатся в таблице А [Ibid.: 203]. Второй список Гаусса соответствует таблице «Б. Неправильные глаголы на *чь* или *ть* с предшествующим согласным» [Ibid.: 204] или — в более точной формулировке — «Б. все глаголы на *чь*, *сть*, *зь* [или *сти*, *зти*]]» [Ibid.: 202]. Если сравнить оба списка Гаусса с оригинальными списками Таппе, то можно заметить, что инфинитивные формы, которые у Таппе приведены в алфавитном порядке, Гаусс разбивает на группы так, чтобы в каждой из этих групп соблюдался принцип обратного алфавитного порядка. Не исключено, что составление списка «неправильных глаголов» являлось предварительным этапом к запланированной Гауссом еще более тщательной классификации этих глаголов. Эта идея основана на следующем наблюдении.

В записях Гаусса по русскому языку находятся, в частности, семь списков русских имен существительных вместе с их переводом на немецкий язык. Существительные в этих списках расположены по определенным типам склонения, причем в каждом из них отчетливо прослеживается принцип обратного алфавитного порядка. Список существительных мужского

рода, оканчивающихся на *-ь* в именительном падеже единственного числа, особенно четко показывает, что и здесь именно сам Гаусс ввел этот принцип систематизации составленного им материала. Этот список (лист 2, 2 об.) по составу и переводу наиболее идентичен списку соответствующих существительных «Грамматики» Таппе, расположенных в алфавитном порядке [Тарре 1815: 68—70]. При переносе существительных из этого списка в свою таблицу Гаусс расположил их по своему принципу.

Особенно необычно и примечательно следующее обстоятельство: к пяти спискам русских имен существительных у Гаусса имеются подготовительные разработки в форме черновых списков, в которых хотя уже и прослеживается принцип обратного алфавитного порядка, но видны многочисленные, очевидно, добавленные на втором этапе обработки, дополнения и вставки, которые затем были внесены аккуратным почерком в окончательные списки на соответствующие позиции; ср. средний род на *o*: предварительный список — лист 5, окончательный список — лист 4 об., лист 13; средний род на *e*: предварительный список — лист 5, окончательный список — лист 13; женский род на *a*: предварительный список — лист 5 об., лист 6 об., окончательный список — лист 3 об., лист 4, лист 4 об.; женский род на *y*: предварительный список — лист 5, окончательный список — лист 3; женский род на *ь*: предварительный список — лист 5 об., окончательный список — 3. Для существительных мужского рода на *ъ* (лист 16, лист 16 об., лист 17, лист 17 об.) и для существительных мужского рода на *ь* (лист 2, лист 2 об.) в заметках Гаусса не найдено никаких аналогичных предварительных списков.

В обратном алфавитном порядке расположен также список русских прилагательных (лист 7, лист 7 об.): в начале этого списка стоят прилагательные, которые в имен. пад. ед. ч. оканчиваются на *-ий*, потом на *-ой* и, наконец, на *-ый*.

Следующее наблюдение показывает, насколько последовательно применял Гаусс принцип обратного алфавитного порядка при составлении списков русских лексем. Среди записей по русскому языку Гаусса обнаружена тщательно составленная таблица спряжений глаголов, содержащая лишь один образец глагола для каждого типа спряжения, основой для которой послужили «Грамматика» Таппе и через нее «Практическая грамматика русского языка» Иоганна Северина Фатера [Vater 1814], а также два уже упомянутых списка «неправильных глаголов», взятых из «Грамматики» Таппе, и еще один список под названием «Неправильные» с новым делением русских глаголов по их формообразованию (лист 9 — лист 11).

Как удалось доказать [Lehfeldt 2011: 294—297], упомянутое второе деление русских глаголов восходит к грамматической части «Dictionnaire russe-français» Карла Филиппа Рейфа [Рейф 1835—1836], экземпляр которого имелся у Гаусса с 1839 г. Сам Рейф позаимствовал свою классификацию глаголов из грамматики Греча, экземпляр которой также имелся у Гаусса и которой Гаусс часто пользовался.

В интересующей нас систематизации русских глаголов Гаусс приводит к каждому типу спряжения, позаимствованному Рейфом у Греча, в качестве примеров многочисленными инфинитивными формами в обратном алфавитном порядке, не упоминая об этом принципе не только в этом месте, но и вообще нигде. Совершенно очевидно, что Гаусс не рассматривал свои списки примеров как законченные; в каждом типе спряжения рядом с обозначенными стрелками корректурами в определении места глаголов в левом исходном списке справа на полях имеются более или менее многочисленные дополнения, которые Гаусс при переписывании в чистовик распределял на соответствующие места; при этом он, несомненно, исправлял и цифровые данные в конце каждого списка глаголов.

Какую цель или цели преследовал Гаусс при составлении своих списков русских глаголов, существительных и прилагательных «в обратном алфавитном порядке»? Однозначного ответа на этот вопрос, по всей вероятности, не существует, поэтому мы можем лишь высказать некоторые предположения.

Бросается в глаза, что Гаусс в своих списках существительных и прилагательных составляет группы по 10 лексем, иногда число лексем в группе чуть больше или меньше 10. В предварительных списках группы из 10 лексем выделены штрихами, а в окончательных списках они четко отделены друг от друга пробелами. В достаточной степени очевидно, что Гаусс был заинтересован в том, чтобы получить представление о количестве лексем в отдельных типах склонений. На это указывает также такое заглавие, как «89 мужского рода на ь» (фактически, учитывая дополнения, их 93), а также числа в конце большинства окончательных списков существительных, прилагательных и глаголов. Однако достижение этой цели не обязательно предполагает соблюдение обратного алфавитного порядка. Какую же цель все-таки преследовал при этом Гаусс?

К. Гертнер и П. Кюн пишут о том, что первые современные обратные словари, появившиеся во второй половине XIX века, служили трем целям: «во-первых, языковедческой, а именно определенным вопросам грамматики и словообразования, во-вторых, текстологической, то есть дополнению сохранившихся с древних времен неполных текстов, и, в-третьих, дидактической, а именно упражнениям по словообразованию и изменению слов при изучении языка» [Gärtner, Kühn 1990: 1133]. Если рассматривать эти возможности по отношению к спискам слов Гаусса, то, разумеется, вторая возможность отпадает. Вопросы словообразования Гаусса также вряд ли интересовали, так как в его списках мы находим преимущественно простые, производные формы. Поэтому кажется, что Гаусс преследовал в первую очередь дидактическую, точнее, автодидактическую цель, желая выяснить, особенно в случае имен существительных, имеют ли лексемы с одинаковым окончанием в именительном падеже единственного числа, принадлежащие к одному типу склонения, еще какое-либо сходство. Возможно, он заметил, что основа всех существительных «среднего рода на я»

(лист 5 об.) в именительном падеже единственного числа оканчивается на *м*, тогда как ни одно из существительных «женского рода на *я*» не имеет такого исхода основы, напротив, — за исключением *стезя* — встречаются только исходные согласные *л*, *н* и *р*.

Примерно то же наблюдается и у глаголов. Например, корни всех глаголов класса II. 2. по классификации Греча оканчиваются на губные согласные *б*, *в*, *м*, *п* (например, *колебать*, *давить*, *томить*, *купить*), а глаголов класса II. 3 — на шипящие *ж*, *ч*, *ш*, *щ* (например, *лежать*, *кричать*, *слышать*, *трещать*).

К сожалению, нам не известно, производил ли Гаусс подобные наблюдения и сформулировал ли он соответствующие обобщения. Но, несмотря на это, остается только восхищаться, что у него одного из первых, даже, по всей вероятности, вообще у первого, возникла эта идея и он осуществил ее и расположил собранный им лексический материал русского языка в обратном алфавитном порядке. Если даже он, возможно, и преследовал при этом в первую очередь автодидактические цели, то совершенно очевидно, что таким образом был открыт один из способов изучения морфологической структуры этого языка. Мы как русисты с радостью осознаем, что ученый, имя которого стоит в одном ряду с такими именами, как Евклид, Ньютон и Эйлер, также и в истории нашей дисциплины первым открыл новый путь, путь, который привел в наше время к такому выдающемуся труду, как «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка.

По всей вероятности, и в последнее десятилетие своей жизни Гаусс занимался русским языком и литературой, хотя, может быть, и не так последовательно. О том, что великий ученый по меньшей мере до 1844 года находил время для занятий русским языком, свидетельствует его письмо от 9 августа 1844 года, написанное непременно секретарю Петербургской Академии наук Павлу Николаевичу Фуссу. В нем сказано: «Удовольствие, которое доставляют мне занятия русским языком и литературой, не охладело и будет постоянно со мной» (SUB Göttingen, Gauß-Nachlaß: Briefe B: Fuß 3). В том же самом письме Гаусс просил Фусса «прислать ему пару беллетристических вещей», таких, например, как «Капитанская дочка» Пушкина. Но спустя два года, 11 декабря 1846 г. Гаусс сообщает Вильгельму Струве: «В своих знаниях русского языка я немножко отстал, потому что вот уже более года у меня не было времени даже взглянуть на одну-единственную русскую букву, но я надеюсь в ближайшее свободное время нагнать упущенное». Очевидно, эта надежда действительно сбылась. Об этом свидетельствует набросок отчета, который написал в 1851 году академик С.-Петербургской Академии наук, физик Мориц Герман фон Якоби (1801—1874) о своем пребывании за границей в этом же году и который хранится в С.-Петербургском филиале архива Российской академии наук (ф. 187, оп. 1, № 1). В нем Якоби пишет о своем пребывании в Геттингене следующее: «Разумеется, я не упустил случая засвидетельствовать мое почтение знаменитому профессору Гауссу, дуайену астрономов и ма-